

В этом отношении синергетика занимает промежуточное положение между диалектикой понятия – панлогизмом Г. В. Ф. Гегеля – и классово-антагонистическим диалектическим материализмом. Синергетика стремится преодолеть как диалектический объективизм, так и субъективизм постмодернистского дискурса. В синергетике намечен образ конкретной, проективной метафизики, в которой личностное начало оказывается условием возможности адекватного описания и понимания бытия. При этом выясняется, что язык самой синергетики недостаточен для построения целостной, универсальной картины развития. Онтология самоорганизации в синергетике, выступая в качестве целостно-плюралистической системы, дополняет и конкретизирует абстрактно-всеобщую, целостномонистическую онтологию диалектического саморазвития.

Библиографические ссылки на источники

1. Бевзенко Л. Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. Киев, 2002.
2. Васильченко В. М. Диалектика и синергетика как методы исследования социальных процессов // Вестник ТГУ. 2005. № 1 (37).
3. Гиндилис Н. Л. Изменение мировоззренческих установок современной науки // Философские науки. 1999. № 3/4.
4. Егоров В. С. Рационализм и синергизм. М., 1996.
5. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М., 2007.
6. Макаров В. И. Философия самоорганизации. М., 2009.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой : пер. с англ. М., 1986.
8. Ровинский Р. Е. Самоорганизация как фактор направленного развития // Вопросы философии. 2002. № 5.
9. Рузавин В. И. Синергетика и диалектическая концепция развития // Философские науки. 1989. № 5.
10. Штеренберг М. И. Синергетика: наука? философия? псевдо-религия? М., 2007.

АНТИПСИХОЛОГИЗМ ВИТГЕНШТЕЙНА

В. А. Останина

*студентка 4-го курса философского факультета
Уральского государственного университета им. А. М. Горького,
Екатеринбург*

Прежде чем говорить непосредственно об антипсихологизме Людвиг Витгенштейна, нужно обозначить те границы, в рамках

которых будет использован данный термин. Для этого следует обратиться к истории его возникновения.

Антипсихологизм как направление возник в конце XIX – начале XX в. как критика психологизма в рамках марбургской школы неокантианства, представителями которой можно назвать Когена, Наторпа, Кассирера. Основной темой для споров между сторонниками психологизма и антипсихологизма являлись вопросы о познавательных способностях и, как следствие, об основаниях научного познания. В целом позицию приверженцев антипсихологизма можно описать следующим образом: ни одна наука содержательно не может быть объяснена и обоснована в психологических терминах (см.: [2, с. 20]). Наука должна ориентироваться на свои собственные формы, которые и есть ее содержание. Субъект со своими психическими процессами не является критерием истинности познания или основанием для науки. Основанием же может служить объективный характер мышления. Еще одной важной чертой, которой следует уделить внимание в связи с тем, что речь идет о Витгенштейне, является то, что в антипсихологизме язык также не рассматривается как психический феномен.

Пожалуй, именно с проблемы роли языка в познании и следует начать речь именно об антипсихологизме Витгенштейна. Важнейшее понятие в философии Витгенштейна – понятие языковой игры: «Весь процесс употребления слов в языке можно представить и в качестве одной из тех игр, с помощью которых дети овладевают своим языком. Я буду называть эти игры “языковыми играми” и говорить иногда о некоем примитивном языке как о языковой игре»; «языковой игрой я буду также называть единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен». Языковая игра описывает ту действительность, в которой находится индивид, она по сути и есть эта действительность, включающая в себя познавательные процессы, социальную практику.

Одним из главных элементов, обеспечивающих познавательный процесс, является понимание. Понимание же может быть выражено только через определенный язык. Витгенштейн, как антипсихологист, не считает само понимание неким психическим процессом, который можно описать языком. Для него понимание – чисто языковой процесс, определяемый контекстом языковой игры. То есть если индивид участвует в определенной языковой игре, то понимание будет осуществляться именно в контексте этой игры. Насколько человек ознакомлен с правилами игры, с ее структурой, настолько четким и ясным будет его понимание, настолько адекватно он сможет выразить его при помощи языка. Таким образом, понимание обеспечивается включенностью инди-

вида в определенную систему языка и не является душевным или психическим процессом: «В том смысле, в каком существуют характерные для понимания процессы (включая душевные процессы), понимание не есть душевный процесс. (Душевные процессы: ослабевающие или усиливающиеся болевые ощущения, слуховое восприятие мелодии, предложения и др.)» [1, § 154].

С другой стороны, если отнести процесс понимания к процессу душевному, то за этим с необходимостью последует вывод о том, что процессы познания субъективны, а понимание – мистический процесс перехода знаний из объективной сферы языка в субъективную сферу сознания. В таком случае этот процесс будет просто невозможно научно описать в силу его крайне индивидуального характера.

Феномен сознания Витгенштейн также относит к феномену языка. Сознание человека конструируется социальной действительностью, теми языковыми играми, в которых он участвует. Если рассматривать сознание как психический феномен, то оно должно обладать своим собственным языком, отличным от любого другого языка, так как будет повествовать только о глубоко субъективном опыте индивида, что невозможно для понимания остальными людьми. На этом основывается критика Витгенштейном теорий самодостаточного субъекта.

Как было показано выше, понимание не является психическим процессом. Из этого следует, что основанием науки душевные или психические процессы служить не могут. В социальной среде и в науке понимания выражены при помощи языка в виде определенных правил, законов. Это обеспечивает их кумуляцию и передачу как общечеловеческого опыта. То, что они становятся понятны тем, кто включен в определенную языковую игру, затрагивающую определенный слой правил, доказывает их объективный характер. «Правильным или неправильным является то, что люди говорят; и согласие людей относится к языку. Это согласие не мнений, а формы жизни» [1, § 241]. Основа понимания – совместная деятельность людей, включенность в языковую игру.

На основании такой логики суждений Витгенштейн критикует многих философов, бравших в основу своих теорий черты психологизма. Сам Витгенштейн продолжает линию объективного идеализма Гегеля, что выражается в доминировании общего над частным, и переходит к позитивизму. Основной и отличительной чертой антипсихологизма Витгенштейна можно назвать внимание к роли языка и сведение мыслительных, познавательных процессов к языковым играм, т.е. к социальной обусловленности следований определенным правилам мыслительной деятельности.

Библиографические ссылки на источники

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Избранные философские работы. М., 1994. Ч. 1.
2. Логическое кантоведение – 4 : тр. междунар. семинара. Калининград, 1998.
3. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. М., 2003.

СМЫСЛОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ МЕТАПРАВА

С. В. Останина

*кандидат философских наук, доцент кафедры философии
и социологии Уральской государственной юридической
академии, Екатеринбург*

С древнейших времен философы и правоведы стремились к поиску универсальных истоков, смыслов и причин права. Стремались не только для оправдания необходимости правопорядка и его регулятивных технологий, но и для формирования ценностно-психологического уровня правосознания в соответствии с духовными идеалами эпохи.

К вопросу о том, как убедить человека соблюдать нормы права, как преодолеть отчуждение к ним как чему-то внешнему и чужеродному, обращались виднейшие представители философской мысли. В соответствии с идеалами античного космоцентризма, приоритетом «целого» над «частью» Платон прибегает к созданию «социального мифа» о творении людей богами и тождеству структуры государства душе человека для утверждения в своем сочинении «Государство» таких идеалов правосознания, как гармония и справедливость. А из реализации этих принципов проистекал глубинный смысл права – создание такого общества, в котором люди будут счастливы, занимая «свое место». По логике теоцентризма Средневековья Фома Аквинский в «Сумме теологии» подводит читателя к высшей цели земного права – способствовать спасению души человека. В духе новоевропейского антропоцентризма И. Кант оперирует понятиями «категорический императив» и «гипотетический императив», решая задачу прояснения оснований правосознания и согласования интересов индивида и общества, правового регулирования социальных взаимодействий.

Сегодня, в контексте рассмотрения глубинных, общечеловеческих смыслов и уровней современного правосознания, мне представляется интересным обратиться к историко-философскому анализу понятия «метаправо». В нем, на мой взгляд, содержится